

УДК 811.511.131
DOI 10.22213/2618-9763-2026-1-95-102

В. В. Елышев, аспирант
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕИЖСКИХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА: БУРАНОВСКИЙ ПОДГОВОР

Статья посвящена анализу фонетических и отчасти морфологических явлений, характерных для бурановского подговора среднеижских говоров удмуртского языка.

На основе детального исследования транскрибированных полевых записей, собранных на территории распространения бурановского подговора во время диалектологических экспедиций в 2022–2025 гг., были выявлены специфические особенности, характерные исследуемому ареалу. Установлено, что бурановский подговор, в виду своего приграничного положения с южными говорами удмуртского языка, имеет в себе южноудмуртские диалектные черты, в число которых можно отнести функционирование показателя элатива на -ис' и эгресива – ис'эн, а также употребление гласного и в причастиях на -с'. Вместе с тем в фонетической системе бурановского подговора обнаружены северноудмуртские лингвистические особенности, например, употребление гласного ы в корневых морфемах в словах типа пыз' 'мука', тыс' 'зернышко' и т. д. В результате исследования выявлено, что бурановский подговор обладает рядом специфических особенностей. Отмечается, что значимое место в фонетической системе исследуемого подговора занимает синкопа – явление, характеризующееся выпадением звуков внутри слова, а также то, что наиболее частому выпадению подвергается группа звуков на -ис' в глаголах настоящего и давно прошедшего времен I и II лица как единственного, так и множественного числа, ведущее к морфологическим преобразованиям показателя настоящего времени: -к (< -ис'к-). Кроме того, синкопе подвергается гласный ы в инфинитивной форме глагола и в деепричастиях. Результаты исследования свидетельствуют также о том, что для бурановского подговора характерно чрезмерное функционирование аффрикат во всех позициях слова. Подчеркивается, что наряду с процессом аффрикатизации в исследуемом подговоре фиксируется и обратный процесс – деаффрикатизация, реализующийся в переходе аффрикаты ж в целевой з.

Совокупность всех вышеназванных характеристик формирует уникальный языковой ареал и позволяет выделять бурановский подговор в качестве отдельной диалектной единицы.

Ключевые слова: удмуртский язык; срединные говоры удмуртского языка; среднеижские говоры удмуртского языка; бурановский подговор удмуртского языка; фонетико-морфологические особенности

Введение

В современных исследованиях по удмуртской диалектологии в рамках классификации удмуртского диалектного пространства выделяются следующие основные наречия: северное, включающее в себя нижнечепецкий, среднечепецкий и верхнечепецкий диалекты, южное – с собственно-южным и периферийно-южным диалектами, а также бесермянское наречие. Следует отметить, что в последнее время некоторые исследователи рассматривают бесермянское наречие в качестве отдельного языка [1, 2]. Между северным и южным наречиями расположены переходные диалекты, которые классифицируются как срединные говоры [3, с. 42–48].

На сегодняшний день из вышеназванных диалектных ареалов наиболее обстоятельно исследовано северное наречие, диалектная система которого получила всестороннее описание в монографиях Л. Л. Карповой [4–7].

Особенности южноудмуртского наречия освещены в диссертационных исследованиях И. В. Тараканова [8], В. К. Кельмакова [9] и Р. Ш. Насибулина [10], в отдельных публикациях М. Г. Атаманова [11] и Г. А. Архипова [12, 13].

Описание бесермянского наречия представлено в работах Т. И. Тепляшиной [14] и Н. М. Люкиной [15].

Из пяти выделенных срединных говоров удмуртского языка – среднезападного, средневосточного,

водзимоньинско-омгинского, нылгинского и среднеижского – лишь средневосточные¹ и среднезападные (прикильмезские)² говоры получили фрагментарное описание в диссертационных работах С. К. Бушмакина и Б. Ш. Загуляевой.

Лишь сравнительно недавно была начата работа по систематическому исследованию среднеижских говоров [16, 17]. Поэтому они являются наименее изученными единицами удмуртского диалектного пространства. Согласно наблюдениям исследователей устной разговорной речи, современные диалекты находятся под активным ассимиляционным влиянием [18, 19], что влечет за собой постепенную нивелировку диалектных различий. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования, направленные на описание отдельных говоров и диалектов.

Целью данного исследования является описание фонетико-морфологических особенностей бурановского подговора среднеижских говоров удмуртского языка. Бурановский подговор охватывает говоры деревень Байситово, Валион, Верхнее Кечево, Среднее Кечево, Нижнее Кечево, Сундуково, Яган-Докья, Чужошмон, Пуро-Можга и села Бураново. Названные населенные пункты расположены в центральной части Малопургинского района Удмуртской Республики. В качестве опорных пунктов были определены деревни Байситово, Бураново, Сундуково и Яган-Докья. Выбор данных пунктов неслучаен: д. Байситово

© Елышев В. В., 2026

¹ Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск; Москва, 1971. 397 + [Приложение] 350 с.

² Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. 174 с.

расположена в южной части исследуемого ареала, Бураново – в северной, Сундуково и Яган-Докья – в центральной. В качестве информантов выступили 14 жителей указанных населенных пунктов в возрасте от 59 до 93 лет.

Эмпирической основой исследования послужили диалектные тексты, собранные автором данной работы во время полевых экспедиций (2022–2025 гг.) в населенные пункты, расположенные в ареале распространения бурановского подговора, а также полевые записи диалектологических экспедиций студентов факультета удмуртской филологии (с 2015 г. Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики) Удмуртского государственного университета.

Исследование опирается на совокупность научно-исследовательских методов: во время полевых исследований применялся метод включенного наблюдения, использовались различные способы сбора лингвистического материала – анкетирование, интервью и запись речи на цифровой носитель. Анализ и научная интерпретация диалектных особенностей отдельных говоров осуществлялись посредством слухоаналитического метода исследования устной речи. Сравнительно-сопоставительный метод позволил ввести в оборот материал из других удмуртских диалектов, провести анализ и выявить специфику исследуемого нами подговора.

Обзор научной литературы

Срединные говоры удмуртского языка в научной литературе впервые упоминаются в статье Ф. Й. Видеманна *Zur Dialectenkunde der wotjakischen Sprache* (К диалектологии удмуртского языка), где они обозначены как малмыжский и сарапульский диалекты. Данная работа является первым опытом теоретического описания региональных особенностей исследуемого языка. Опираясь на лексику переводного Евангелия 1847 г., в удмуртском языке автор выделяет «казанский», «глазовский», «малмыжский», «сарапульский» и «оренбургский» диалекты. В частности, по наблюдениям Ф. Й. Видеманна, для сарапульского диалекта характерно употребление следующих слов: *бака* ‘лягушка’, *kwareto* ‘кричать’, *iskä* ‘поэтому, тогда’, для малмыжского – *кенак* ‘тетя, невестка’, *dziöсь* ‘кузнечик’, *яблокъ* ‘яблоко’ [20, с. 544].

Образцы речи срединных удмуртов в полевых условиях впервые зафиксировал финский ученый Т. Г. Аминофф. Во время поездки к удмуртам в 1878 г. исследователь посетил село Якшур-Бодья Сарапульского уезда Вятской губернии, который, согласно современной классификации, входит в зону функционирования средневожских говоров. Результаты экспедиции опубликованы в виде статьи под названием *Wotjakilaisia kielinäyteitä* (Образцы удмуртской речи). В записях ученого, репрезентирующих якшур-бодьянский диалект, представлено 36 загадок и 10 сказок. В текстах Т. Г. Аминоффа прослеживаются

многочисленные фонетико-морфологические черты, характерные для срединных говоров, например, выпадение конечного гласного основы инфинитива в глаголах I спряжения: *ũnyu* ‘догнать’, *karny* ‘делать’; *nuny* ‘нести’; функционирование в глаголах настоящего времени стяженного суффикса *-k-* <с’к: *totko* (<*todis’ko*) ‘знаю’, *börtkod* (<*bördis’kod*) ‘плачешь’, *vetko* (<*velis’ko*) ‘хожу’ и др. [21, с. 40–41].

Образцы речи по средневожским говорам удмуртского языка представлены в работе Б. Мункачи *Votják népköltészeti hagyományok* (Фольклорные традиции вотяков). Во время экспедиции к удмуртам исследователю удалось собрать обширный фольклорно-диалектологический материал в деревнях Вуж Ёмья, Вуко-Чудзя и Диньтэм Сарапульского уезда (ныне д. Новый Сентег, Шабердино и Динтем-Бодья Завьяловского района Удмуртской Республики (УР)). В текстовых записях Б. Мункачи отражены многие срединноудмуртские языковые особенности, в частности: оформление деепричастия на *-ку* с помощью суффикса *-кы:* *minikiz* ‘идя’, *bertikiz* ‘возвращаясь’, *potikiz* ‘выходя’; переход гласного *-ы-* в гласный *-и-* под ассимилятивным влиянием последующего согласного *-й-*: *kokijez* ‘люльку’, *limijen* ‘снегом’, *kisijad* ‘в кармане’ [22, с. 71].

В конце XX века срединные говоры стали объектом диссертационных исследований. Так, в 1971 г. С. К. Бушмакин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка»¹. В работе представлено подробное описание фонетико-морфологического строя средневожских говоров удмуртского языка, расположенных на территории Якшур-Бодьянского и Шарканского районов Удмуртской Республики.

Как отмечает автор, наиболее характерными фонетическими явлениями для средневожских говоров являются различные формы ассимиляции гласных под влиянием палатальных согласных, средневожского *j* и гласных переднего ряда *i, e,* и реже – огубленных *u, o,* например: *busiin* (<*busj+j+in*) ‘на поле’, *uknee* (<*ukno+j+e*) ‘в окно’, *vjčkios* (<*vjčkj+j+os*) ‘кадки»². Кроме того, исследователь отмечает чрезмерное употребление аффрикат в первом слоге слова в позиции после гласного звука: *zazeg* (лит. *zazeg*) ‘гусь’, *žužit* (лит. *žužit*) ‘высокий’, *lučkem* (лит. *luškem*) ‘тайком, тайно, секретно»³. В число морфологических особенностей средневожских говоров С. К. Бушмакин относит, например, морфологическую неформленность категории притворного действия, которая выражается в южных диалектах и в литературном языке суффиксами *-mjas’k, -mtejas’k, -temjas’k,* а в средневожских говорах только аналитическим способом: *užam kare, užam ule analkke* ‘притворяется, что работает»⁴.

Прикильмезские (современные средневожские) говоры, охватывающие территорию Селтинского

¹ Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожских говоров удмуртского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск; Москва, 1971. 397 + [Приложение] 350 с.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же. С. 306.

и Сюмсинского районов Удмуртской Республики, рассмотрены в диссертационном исследовании Б. Ш. Загуляевой «Прикильмезские говоры удмуртского языка»¹. К наиболее распространенным явлениям исследователь относит ассимиляцию гласного *-о-* элемента суффикса множественного числа *-ос* в именах существительных с конечным гласным на *a*: *korkaas* ‘дома’, *takaas* ‘бараны’². Подмечая особенности морфологии, автор выделяет ряд особенностей, связанных с фонетическим оформлением падежных суффиксов, например, функционирование в исходном падеже суффикса *-is'* вместо литературного *-is'*, например, *gurtis'* ‘из деревни’, в отдалительном *-is'en*, вместо *-is'en* – *gurtis'en* ‘с деревни’ и др.³

Большой вклад в исследование удмуртских диалектов внес В. К. Кельмаков. Среди работ, посвященных срединным говорам, следует выделить сборник транскрибированных текстов «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры». В работу вошли образцы речи жителей Шарканского, Якшур-Бодьинского, Селтинского и Увинского районов УР. В срединных говорах В. К. Кельмаков отмечает обильное употребление аффрикат *жс*, *зэ*, *ч* в середине и конце слова вместо *ж*, *з'* и *ш* северных и южных диалектов и удмуртского литературного языка: *кõжсы* (сев., южн. *кõжы*) ‘горох’, *выжэ* (сев., южн. *выжэ*) ‘мост’, *кызпу* (сев., южн. *кыс'пу*), ‘береза’, *бэриэ* (сев., южн. *бэриз'*) ‘липа’, а также выпадение элемента *-ис'к* в глагольных формах, например: *мынко* (сев. *мыныс'ко*, южн. *мыныс'ко*) ‘иду, еду’, *вэтсалмы* (сев. *вэтлыс'алмы*, южн. *вэтлысалмы*) ‘мы ходили бы’ [23, с. 172–173].

Продолжая серию работ по публикации образцов речи, В. К. Кельмаков в 1990 г. подготовил к печати сборник «Образцы удмуртской речи 2: срединные говоры» [24]. В работе представлены материалы по Завьяловскому, Малопургинскому, Увинскому, Вавожскому и Можгинскому районам УР.

Несмотря на существующие исследования по отдельным ареалам срединных говоров (средне-восточным и прикильмезским (среднезападным)), в удмуртской диалектологии до сих пор отсутствуют обобщающие труды, описывающие фонетико-морфологические особенности всего срединно-удмуртского языкового пространства, в число которых входят среднеижские говоры.

Фонетико-морфологические особенности бурановского подговора

В исследуемом нами бурановском подговоре среднеижских говоров удмуртского языка функционируют 7 гласных: *и*, *ы*, *у*, *э*, *õ*, *о*, *а* и 30 согласных фонем: *б*, *в*, *г*, *д*, *д'*, *ж*, *жэ*, *з*, *з'*, *зэ*, *й*, *к*, *л*, *л'м*, *н*, *н'*, *п*, *р*, *с*, *с'*, *т*, *т'*, *ф*, *х*, *ц*, *ч*, *ч'*, *ш*, *ш'*. По нашим наблюдениям, фонемы акустически и артикуляционно ничем не отличаются от соответствующих фонем удмуртского литературного языка. Анализ вокалической системы позволяет выделить следующие наиболее характерные особенности описываемого нами диалектного пространства.

1. Корреспонденция гласных

1.1. Корреспонденция гласных *и* // *ы*

В исследуемом нами бурановском подговоре вместо северноудмуртского гласного *и* после велярных согласных или между *ш*, *ж* в некоторых лексемах находится южноудмуртский гласный *ы*: *кӯамын н'ыл' комбайн гынэ вал отын колхозын* ‘Только комбайнов тридцать четыре было там в колхозе’; *соос турынкӯарюосты йадови тойюосэ ычканы шэтто вал*. ‘Они случайно ядовитые растения отрывали’.

В то же время в описываемом нами ареале в некоторых словах систематически функционирует северноудмуртское *и*: *сэрэ, бон, бõл'акэн вэтлис'ком вал коркас'-корка вõс'ас'кыса, чирдыса, чирдыны быгатис' муртйос*. ‘Потом, с родственниками ходили из дома в дом, молясь, распевая, кто мог петь’; *ал'она гижымэ но пас'ас, тати но пас'аса вирзэ поттылиз ни*. ‘Алена ноготь проколола, и тут проколола кровь убрала уже’.

1.2. Корреспонденция гласных *ы* // *и*

В исследуемом нами подговоре южноудмуртскому *и* соответствует северноудмуртское *ы*. Данный вид корреспонденции в корневых морфемах в бурановском подговоре представлен следующим образом: *одйг вэдрамы гынэ вал: со ик пыз' вэдра, суралтон вэдра*. ‘Одно ведро только у нас было: оно же для муки и для замешивания’; *кыз' вит' арэсэн быз'и*. ‘В двадцать пять вышла замуж’; *марлы, д'ад'и, йэттин киз'ит, тыс'сэ с'ио кожа д-а?* ‘Зачем, отец, лен посеял, думал, что зернышки съешь?’

Данный вид корреспонденции представлен в наречиях, а также в отглагольных существительных на *-с'*, образованных от глаголов I спряжения, где конечный этимологический гласный основы *ы*, характерный для северноудмуртской диалектной зоны, переходит в гласный *и*, в большей степени функционирующий в южных диалектах: *кошкис' пилы суйпосаз носовик кэрттыло, шапкайас пõртэмэс' л'энтаос*. ‘Уходящему парню на запястье носовой платок завязывают, на шапку разные ленты’ *мон пичи тырис'тым, д'ад'ай мынам дото валэс йаратис' кэ, пичи тырис'тым валэс йаратис'*. ‘Я с детства, раз отец у меня любитель лошадей, с детства любительница лошадей’; *мамайэ гра мотной õвõлкэ но, папайэ гра мотной вал, дышэтис'*. ‘Мать хотя и неграмотная, отец грамотный был, учитель’; *йыромытис' интыосмы трос тати*. ‘Мест, заставляющих блуждать, много здесь’.

Корреспонденция гласных *ы* // *и* также фиксируется в ряде падежных суффиксов:

а) Показатель элатива (сев. *-ыс'*): *сэрэ кис'тэмис' бэрто ини лыэс кис'тыса бэрто ини но, зэч улны косизы шуса вэрало вал*. ‘Потом приходят из поминок, вывалив кости идут уже, и хорошо жить заставили говорили’; *и лээнно таццы тубэмын чал 'дыдорис'*. ‘Именно сюда пришли из (окрестностей речки) чальды’; *соин валлин мон отис' кошки*. ‘Из-за него я оттуда ушла’; *кы'тис' нуны утэм кылис'коз, оццы ик быз'от шуо вал*. ‘Откуда услышишь лай собаки, в ту сторону и замуж выйдешь’; *хака'сиис'*

мон изйос ваи, кы тигурэс'ти вэтлим *'Из Хакасии я камушки привезла, где по горам ходили'*.

Несмотря на вышеприведенные примеры встречаются показатели элатива, на *-ыс'*, в особенности в речи жителей д. Бураново: *вачкала бордыс' туалайэс чакласа, чакласа, туалайэс вачкалайэныс чошкарса мар кэ со пёрмыто*. 'Соблюдая современность, которая *из прошлого* произошла, современность с древностью связывая, что-то получается'; *шурьыс' скаллы но йуон вайком вал*. *'Из речки* и корове воду носили'; *отыс' абрам н'имо ад'ами лыктэм аслыз инты уччаны*. *'Оттуда* пришел человек по имени Абрам себе место найти'.

б) Суффикс эгрессива (сев. *-ыс'эн*): *пуропочинкаис'эн сикэ пьрком вал ни* 'С Пуро-починки (д. Кутер-Кутон) уже в лес заходили'; *кык луос татис'эн, магазин палас'эн мил'ам кык ни но*. 'Два будет *отсюда*, от магазина у нас уже два (километра)'; *солэн кышноэс, шарбам йылыс' корка азис'энызы султыса, со картсэ, пэ, тациос' кэс'ас'кэ вал ни*. 'Его жена, с вершины холма Шар, *с крыльца* мужа, говорят, до сюда (слышно было, так) звала'; *гур вылис'эн полат'оз чугин с'урэс мэдло ва*. 'Хоть бы железная дорога была *с печки* до полатей'.

Кроме того, для бурановского подговора характерен переход конечного гласного *ы* в *и* под ассимилятивным влиянием последующего согласного *й*, в следующих случаях:

а) В существительных в форме винительного падежа: *курыт гумийэс* (<гумы) *да жэ сылалэн но н'ан'эн сиса пукком вал, пиналийосын чур гынэ пукс'ис'ком но*. 'Полевую редьку даже с хлебом и солью сидели и ели, с ребятами как в ряд садились'.

б) В существительных в форме творительного падежа: *кыз' вит'ас, пэ, ин тушо маро, ыз'ийэн маин, та куэаик, шайтан воштэм нылли зыпкаын на, пэ, вэс'*. 'двадцать пять, говорят, уже, бородастый, вот такой длины, в шапке лежит в люльке подмененный дьяволом ребенок'.

в) В существительных в форме местного падежа: *и со кұат'тушлэс' ми пурти'ын пдс'тыса, вэс' н'ук с'орлы тырмэ вал со с'ион*. 'И из этого пескаря мы в котле сварив, всем, кто жил за лесом, хватала эта еда'.

г) В существительных в форме входного падежа: *пун'ийэ ву кынтис'ком вал*. 'В ложке (букв. *в ложку*) воду замораживали'.

д) В именах существительных во множественном числе: *ой вал ми кад'йослы сычэ интийос*. 'Таким как мы, не было таких *мест*'.

1.3. Корреспонденция гласных у // ы

Довольно последовательно в бурановском подговоре в деепричастиях вместо общепринятого литературного *-ку* используется диалектное *-кы*: *син'со корказэс заливат'тыкы, сумказэ кутэ но кошкэ, пэ*. 'Когда тот дом *заливали*, он брал сумку и уходил'; *гудырайаки ми пичийэс' дырйа кышкас'ком вал, ил'йа пророк валэн ворттылэ шуком вал*. 'В детстве мы боялись грома, пророк Илья на колеснице скачет,

думали'; *губэчэ пьракым но койшкэмас'ко вал, омар но вэроо но*. 'Когда *заходила* в подполье, боялась, раз всякое говорили'.

2. Синкопа – явление выпадения звука или группы звуков внутри слова. В исследуемых говорах данное явление наблюдается в следующих случаях:

2.1. Для бурановского подговора характерно выпадение сочетания *-ис'* – элемента суффикса настоящего времени *-ис'к-*, так, что настоящее время в исследуемом нами подговоре образуются с помощью усеченного суффикса *-к-* (<*-ис'к-*): *со монэ жузэ но, мон сойэ пичи куэи шуса исас'ко, шуко*. 'Она меня обижает, а я ее маленькой Кузей обзываю, *говорю*'; *от тин'и, вэрас'кон вискам мон вунэтко*. 'От ведь, по ходу разговора я *забываю*'; э, *быримук! шуса улком, пэ, уни пинал мурт'т'ос*. 'Э, пропали! думаем (букв. говоря *живем*), говорит, молодые люди'; *сэрэ жыны вэдра, оло, кабак йуэм, оло вэдра, шуо, ук то'ткы ни*. 'Потом пол ведра, примерно, магазинного вина, или ведро, говорят, *не помню* уже'.

2.2. Аналогичный процесс синкопы элемента *-ис'* (<*-ис'к-*) наблюдается в глаголах давно прошедшего времени, образующихся аналитическим способом, путем прибавления к основному глаголу в настоящем времени вспомогательного глагола *вал / вылэм* 'был': *татын вэс' шутком вал*. 'Здесь всегда *играли*'; *сэрэ утком кэ, кычэ шумпотком вал*. 'Если выигрывали, то как *радовались*'; *т'эхн'икумэ: но пэрвой курсын кутэн вэтко вал*. 'В техникум, обучаясь на первом курсе, в лаптях *ходила*'; *турым-куар бичас'ком вал, иском но кэмч пышком вал*. 'Травы собирали, *мололи* и пресную лепешку *пекли*'.

2.3. В системе исследуемого подговора распространенным явлением является выпадение гласного *-ы-* в следующих позициях:

а) В инфинитивных формах глагола, перед суффиксом инфинитива *-ны*: *оццы, пэ, соос ана карны куткил'л'ам уни*. 'Там, говорят, они землю для возделывания начали *готовить* (букв. *делать*)'; *ко'т'маи мынам ван', только с'ины н'ан'э обёл, пэ, шуэ вал вэс'*. 'Все у меня есть, только хлеба *есть* нет, сказывают, говорил всегда'; *ал'акэс шудны мынэ вал уни*. 'Непоседливые *играть* шли уже'; *собрэ дас' с'из'ымис'эн и'л'и дас кұат'-а вал та, парс' с'удны ыстизы*. 'Потом с семнадцати или шестнадцать было, свиней *кормить* отправили'.

б) Перед суффиксом деепричастий на *-са*, образованных от глаголов I спряжения: *ми ум ва'лас'кэ на, нош мамаос бёртса пуко ни*. 'Мы еще не понимаем, а мамы *расплакавшись* сидят'; *сэрэ с'урэс вожэ вомжэ кылзоно, сэд'мова йанварйа-а мар-а*. 'Потом *ложась* на перекресток, нужно слушать, седьмого января, что ли'; *оццы пэрэс' пиос кут кутаса, пукса дото трос кумэл'зы луэ вылэм но, оццы выжэ карны со кумэл'зэс куйало вылэм*. 'Там старики лапти плели, *сидя* много лыка становилось у них, и туда вместо моста кидали лыко'; *ко'пак кұан'эр улылмы колкостэк, узырийос зипса өз во'зылэ*. 'Совсем бедно жили

без колхоза, богатые **не прижимали** (букв. не прижимая, держали) нас’.

в) Перед суффиксом деепричастий на *-тэк*, образованных от глаголов I спряжения: *кыйэдзэс кыццы карны тоттэк, тапала лыктыл'л'ам соос*. ‘Не зная куда девать навоз, они сюда пришли’; *кураззыса улис'киз бэрэ, кураззыса ик ултэк бөбл ини*. ‘Раз жил, терпя страдания, терпя страдания жить придется уже’; *мылпоттэггэс мон дышэтки*. ‘Учился, **не выражая желания**’.

г) Перед суффиксом деепричастий на *-кы(-ку)*, образованных от глаголов I спряжения: *тин'и оз'ы одик пол наст'а эшэным бэрткымы, жомо-йугдо вакытэ, йогорйослэн пал'эсадн'икыс'тызы мар кэ вырэмэз аззим*. ‘Вот так однажды, с подругой Настей, **возвращаясь** домой, в сумерки, из палисадника Егора что-то движущееся увидели’.

д) В глаголах I спряжения перед суффиксом условного наклонения *-сал*: *брэтэс кэ лусал, тотсал, дыр, мон*. ‘Если брат **был бы**, я **знала бы**, наверное’; *вудур бат'пу дй кэ лусал, кытын учы чирдысал?* ‘Если **не было бы** береговой ивы, где соловей пел бы?’; *ужаны бс коссалзы кэ, дышэткисал мон – дото дышэткиэм потэ вал*. ‘Если **не заставили бы** работать, я бы училась – очень хотела учиться’.

3. Рассматривая лингвистические явления консонантной системы, следует обратить внимание на синкопу согласного *-с-*, элемента суффикса возвратного залога глаголов. Вследствие этого показатель возвратности в бурановском подговоре образуется при помощи усеченного суффикса *-к-* (<*-ськ(ы)-* / *-ск(ы)-*): *нылли ворткэ кэ, кунн' нунал улса чэркэ нуо вылэм пыртыны-крэст'иттыны*. ‘Если ребенок рождался, то на третий день в церковь крестить несли’; *копа к корэн, пэ, нуллыны куткиз ук*. ‘Вместе с бревнами, говорят, уносить стал (ветер)’; *армийыс' бэртса трактористлы дышэтки*. ‘Вернувшись из армии, **отучился** на тракториста’; *ал'и нылы суткыны шэд'из*. ‘Дочь обожглась’; *войнаис' тужэ бжыт бэрыткизы*. ‘Из войны немногие **вернулись**’.

4. Особое место в бурановском подговоре занимает аффрикатизация. Система удмуртских аффрикат, сложившаяся в прапермскую эпоху [25, с. 40], представлена в современном удмуртском языке четырьмя аффрикатами, образующими коррелятивные пары по глухости/звонкости (**č* / **ž* и **č'* / **ž'*) и веларности/палатальности (**č* / **č'* и **ž* / **ž'*). На основе наших данных, можно сделать вывод о том, что рассматриваемая фонетическая закономерность до настоящего времени сохраняется в фонетической системе срединных говоров удмуртского языка, где аффрикаты функционируют как в анлаутной (*žэзэз* ‘гусь’, *жуш* ‘желудок’, *чүчкон* ‘полотенце’, *чонари* ‘паук’), также инлаутной (*озы* ‘так’, *кочыш* ‘кот/кошка’, *көжсы* ‘горох’, *вачкала* ‘старинный’) и ауслаутной (*ужэ* ‘работа’, *зэч* ‘хороший’, *пукыч* ‘лук’, *ваз* ‘рано’) позициях.

Следует отметить, что данное явление характерно для диалектоносителей старшего поколения, с точки

зрения использования аффрикат, речь молодых более приближена к нормам литературного языка. Реализация аффрикат в речи носителей бурановского подговора характеризуется следующими основными особенностями:

а) В исследуемом ареале аффриката *ž* выступает коррелятом целевого *з'*, который характерен для большинства северноудмуртских говоров в идентичных позициях: *оццы, пэ, кызы кэ но вуил'л'ам кышнойэн картэнийос, көчэ кэ но*. ‘Туда, говорят, **как-то** пришли муж с женой какие-то’; *žазэк карис'кыса, пэ, лобало вал аз'выл ад'амиос*. ‘В *гуся* оборотившись, говорят, летали, раньше люди’; *ви'д'имо татын вазэн кечйос трос вылэм*. ‘Здесь **раньше**, видимо, много коз было’; *озы вэрало вал*. ‘**Так** говорили’; *палэз кэ вуэ – мирошкаос трос луозы, шуком вал*. ‘Если рябина уродилась – безотцовщины много будет, говорили’.

б) Одной из характерных черт консонантизма описываемых нами говоров является противопоставление аффрикаты *ч* целевому *с'*: *кукэ ландра нтской пэ р'эпис" ачмэ росийэти, с'урс сиз'ымс'у дас – даскүат' арын – сиз'ым корка ни вылэм*. ‘Когда проходила ландранская перепись по **нашей** России, в тысяча семьсот десятом – шестнадцатом годах – уже было семь домов’; *самой-самой жуужытэс – кэрэмэч гурэч*. ‘Самая-самая высокая – **гора** Керемч’.

в) Фонологическая система данных говоров характеризуется противопоставлением аффрикаты *ж* и целевому *жс*: *тужэ ик р'адовыйын ужаса ой вутты*. ‘Рядовым долго **поработать** не успела’; *нош солэн кук көжсой, вавэн, пэгзэм уг луы*. ‘А у нее ноги **кривые**, кривые, не может убежать’; *атаслы одик пужэ көжсы с'отэм, кочышлы – сил'*. ‘Петуху одно решето **гороха** дала, коту – мясо’; *көжиз ук, пэ, сэрэ*. ‘**Свернул**, говорит, потом’.

г) Аффриката *ч* выступает в позициях, занимаемых целевым *ш* в литературной норме и в северных диалектах: *а одигэныз чоч, арм'анкайэн, тинал на вал ай, ужам отын дышэтыс'ын, и со быз'эм бакүэ*. ‘А **вместе** с одной, с армянкой, молодая еще была, работали там учителями, и она в Баку вышла замуж’; *бон инмар ик с'отиз, дыр, соослы мар кэ но с'бд н'улэс пучкы*. ‘Бог, наверно, им что-то дал в темном лесу’; *кырзанийосыз вачкалаоссэ вунэтим ни*. ‘**Старые** песни уже забыли’; *гочкыны ик уг бы гаткы вал*. ‘Даже **подписаться** не могла’.

В исследуемом диалектном ареале наряду с аффрикатизацией наблюдается обратный процесс деаффрикатизации, а также процесс перехода одной аффрикаты в другую:

а) Аффриката *ž* переходит во ффрикативный, переднеязычный звук *з*: *бат'пузы отын дото бадзын вал соослэн*. ‘У них там большая ива была’.

б) Аффриката *ч* переходит в аффрикату *ц*: *ужаны отын н'э кытын луиз, таццы, брангуртэ, вэглоно вал*. ‘Там негде было работать, **сюда**, в Бураново, нужно было ходить’; *оццы* (лит. *отчы*): *мэмэййос мунчойэ мыннил'л'ам но, дотово бадзын с'бд ош, пэ, оццы, мунчойэ пыриз*. ‘Мамы пошли в баню, и туда

большой черный бык, говорят, зашел'; *шайтанйос олокы-ццы но пырозы, шайтанъёс ук со*. 'Черти куда угодно залезут, черти же они'; *сэрэ тин'и п'атница нуналэ корччогам бэразы сойэ бас'тыса вато ук кыццы кэ*. 'Потом в пятницу после пригвождения его хоронят же куда-то'.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что бурановский подговор среднеижских говоров удмуртского языка представляет собой уникальный идиом, обладающий стройной системой фонетико-морфологических черт, выделяющей его от других говоров удмуртского языка. В числе выявленных характеристик ключевыми являются синкопа гласного *-ы-* в инфинитивных формах глагола: *мынны* 'идти', *с'ины* 'есть', *пукны* 'сидеть', а также в деепричастиях на *-са*, *-тэк*, *-кы*, *-тоз'*: *с'иса* 'кушая', *мынтэк* 'не сходяв'; *йуку* 'во время питья', *бэрттоз'* 'до приезда'. Особое место в диалектной системе исследуемого идиома занимает корреспонденция гласных. Бурановский подговор, совмещающий в себе формы северной диалектной зоны, на что указывает, в частности, функционирование гласного *ы* в таких лексемах, как *пыз'* 'мука', *тыс'* 'зернышко', *быз'ны* 'бежать, выйти замуж' и др, на наш взгляд, больше тяготеет к южноудмуртской диалектной зоне, что подтверждается функционированием морфологических показателей некоторых падежных форм на *и*-овую огласку, например, показатель эллатива: *хака-си-ис'* 'из хакасии', *бод'д'а-пуро-ис'* 'из Сундуково' и эгрессива: *от-ис'эн* 'оттуда', *йаг-ис'эн* 'из леса', а также функционирование гласного и в наречиях «настоящего времени», имеющих окончание *-с'*: *мынис'* 'идуший', *вэтлис'* 'ходящий', *пукис'* 'сидящий' и др.

Выявленные особенности бурановского подговора позволяют определить их место в системе среднеижских говоров удмуртского языка и дают основу для дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Иванов В. А. О перспективах развития письменности на бесермянском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2025, Т. 19. № 1. С. 18–32. DOI: 10.35634/2224-9443-2025-19-1-18-32
2. Максимов С. А. Бесермянско-коми изоглоссы как свидетельство былых контактов между народами // Linguistica Uralica. 2025, Т. 61. № 2. С. 89–105. DOI: 10.3176/lu.2025.2.02
3. Комментарий к картам «Диалектное членение удмуртского языка» и «Принадлежность опорных пунктов к территориальным диалектам» / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семенов, Г. В. Остановова // Диалектологический атлас удмуртского языка: карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. Вып. I. С. 42–48.
4. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: монография. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с. EDN: MPNNAB
5. Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
6. Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи : монография. Ижевск : Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2005. 581 с. ISBN 5-7691-1643-9. EDN: SDJMJN
7. Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект : монография. Ижевск : Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2013. 600 с. ISBN 978-5-7691-2360-3. EDN: SLUSQV
8. Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958. 310 с.
9. Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дисс. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т языкознания. Москва, 1970. XXX + 475 + [Приложение] 175 с. EDN: XMUJYT
10. Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дисс. ... канд. филол. наук / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1972. 202 + [Приложение] 339 с. EDN: XMBGUX
11. Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1981. С. 45–96.
12. Архипов Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: сб. ст. и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1978. С. 3–46.
13. Архипов Г. А. Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1981. С. 5–44.
14. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. Москва : Наука, 1970. 288 с.
15. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016. 200 с.
16. Ельшнев В. В., Кондратьева Н. В. О некоторых фонетических особенностях сундуковского говора Малопургинского района Удмуртской Республики // Вестник угрождения. 2025. Т. 15. № 2 (61). С. 224–237. DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-224-237
17. Ельшнев В. В. Проблема локализации южной границы среднеижских говоров удмуртского языка: фонетико-диалектологический анализ // Финно-угорский мир. 2025, Т. 17. № 4. С. 442–453. DOI: 10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453
18. Кондратьева Н. В., Филиппова Н. В. Динамические процессы удмуртского языка в условиях удмуртско-русского двуязычия в д. Старая Уча Республики Татарстан // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2019. С. 56–58.
19. Кондратьева Н. В., Соколова О. Л. Динамические процессы в фонетической системе современных диалектов удмуртского языка (на материале срединных говоров) // Финно-угорский мир. 2019, Т. 11. № 4. С. 391–402. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.04.391-402
20. Widemann F. J. Zur Dialectenkunde der wotjakischen Sprache // Mélanges Russer tires du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, III. St.-Petersbourg, 1858. Pp. 533–555.
21. Aminoff T. G. Votjakilaisia kielinäyteitä // JSFOu. 1886. I, pp. 32–55.
22. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 335 l.
23. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры : монография. Ижевск: Удмуртия, 1981. 299 с. EDN: ZKHZRF

24. Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990. 368 с.

25. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. 376 p.

References

1. Ivanov V.A. [On the prospects of writing in the Beserman language]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 18-32. (in Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2025-19-1-18-32

2. Maksimov S.A. [Besermyan-Komi Isoglosses as Evidence for Past Contacts between Peoples]. *Linguistica Uralica*, 2025, vol. 61, no 2, pp. 89-105. (in Russ.). DOI: 10.3176/lu.2025.2.02

3. Nasibullin R.Sh., Maksimov S. A., Semenov V.G., Ostanova G.V. *Kommentarij k kartam "Dialektnoe chlenenie udmurtskogo yazyka" i "Prinadlezhnost' opornykh punktov k territorial'nym dialektam"* [Commentary on the maps "Dialectal division of the Udmurt language" and "Affiliation of support points to territorial dialects"]. *Dialektologicheskij atlas udmurtskogo yazyka: karty i kommentarii*, 2009, issue 1, pp. 42-48. (in Russ.)

4. Karpova L.L. *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie: monografiya* [Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status, monograph]. Izhevsk, MarShak Publ., 2020, 563p. (in Russ.). EDN: MPNNAB

5. Karpova L.L. *Fonetika i morfologiya srednechepeckogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997, 224 p. (In Russ.).

6. Karpova L.L. *Srednechepeckij dialect udmurtskogo yazyka: Obrazcy rechi: monografiya* [The Middle Chepts dialect of the Udmurt language: Speech samples, monograph]. Izhevsk, 2005, 581 p. (in Russ.). ISBN: 5-7691-1643-9. EDN: SDJMJN

7. Karpova L.L. *Leksika severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: Srednechepeckij dialekt: monografiya* [Vocabulary of the northern dialect of the Udmurt language: Middle Chepts dialect, monograph]. RAS, Ural Branch, Udmurt. Institute of History, Language and Literature. Izhevsk, 2013, 600 p. (in Russ.). ISBN: 978-5-7691-2360-3. EDN: SLUSQV

8. Tarakanov I.V. *Foneticheskie osobennosti bavlinskogo dialekta udmurtskogo yazyka (v svete eksperimental'nyh dannyh)* [Phonetic Features of the Bavly Dialect of the Udmurt Language (in the Light of Experimental Data) PhD thesis]. Tartu, 1958, 310 p. (in Russ.)

9. Kelmakov V.K. *Kukmorskij dialect udmurtskogo yazyka* [Kukmor dialect of the Udmurt language. PhD thesis.]. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow, 1970, XXX + 475 + [Appendix] 175 c. (in Russ.). EDN: XMUJYT

10. Nasibullin R.Sh. *Zakamskie govory udmurtskogo yazyka* [Dialects of the Udmurt language located beyond the Kama river. PhD thesis]. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow, 1972, 202 + [Appendix] 339 p. (in Russ.). EDN: XMBGUX

11. Atamanov M.G. *Grahovskie govory yuzhnoudmurtzkogo narechiya* [Grakhov subdialects of the South Udmurt dialect].

Materialy po udmurtskoj dialektologii: obrazcy rechi, Research Institute under the Soviet Ministry of the Udmurt ASSR, Izhevsk, 1981, pp. 45-96. (in Russ.).

12. Arkhipov G.A. *Morfologicheskie osobennosti sredneyuzhnogo dialekta udmurtskogo yazyka I* [Morphological features of the Middle South dialect of the Udmurt language I]. *O dialektah i govorah yuzhnoudmurtzkogo narechiya: sb. st. i materialov*. Research Institute under the Soviet Ministry of the Udmurt ASSR, Izhevsk, 1978, pp. 3-46. (in Russ.).

13. Arkhipov G. *Sredneyurinskij govor I* [Middle Yuri subdialect I]. *Materialy po udmurtskoj dialektologii: obrazcy rechi*. Research Institute under the Soviet Ministry of the Udmurt ASSR, Izhevsk, 1981, pp. 5-44. (in Russ.).

14. Teplyashina T.I. *Yazyk besermyan* [The language of the Besermians]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 288 p. (in Russ.).

15. Lyukina N.M. *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskih i yundinskih besermyan* [Phonetic and Morphological Features of the Language of the Lekminsky and Yundinsky Besermyan]. Izhevsk, Institute of Computer Research, 2016, 200 p. (in Russ.).

16. Elyshev V.V., Kondratyeva N.V. [About some phonetic features of the Sundukovo subdialect of the Malopurginsky District of the Udmurt Republic]. *Bulletin of Ugric Studies*, 2025, vol. 15, no. 2 (61), pp. 224-237. (in Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-2-224-237

17. Elyshev V.V. [The Problem of Localizing the Southern Border of the Middle Izh Dialects of the Udmurt Language: Phonetic and Dialectological Analysis]. *Finno-Ugric World*, 2025, vol. 17, no. 4, pp. 442-453. (in Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.017.2025.04.442-453

18. Kondratyeva N.V., Filippova N.V. *Dinamicheskie process udmurtskogo yazyka v usloviyah udmurtsko-russkogo dvuyazychiya v d. Staraya Ucha Respubliki Tatarstan* [Dynamic Processes of the Udmurt Language in the Context of Udmurt-Russian Bilingualism in the Village of Staraya Ucha, Republic of Tatarstan]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii*. Yoshkar-Ola, Mari State University, 2019, pp. 56-58 (in Russ.).

19. Kondratyeva N.V., Sokolova O.L. [Dynamic processes in the phonetic system of present-day dialects of Udmurt (on the material of central dialects)]. *Finno-Ugric World*, 2019, vol.11, no 4, pp. 391-402. (in Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.04.391-402

20. Widemann F.J. *Zur Dialectenkunde der wotjakischen Sprache*. Mélanges Russes du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Peterbourg, III. St.-Péterbourg, 1858, S. 533-555. (in Germ.).

21. Aminoff T.G. *Votjakilaisia kielinäytteitä*. JSFOu, 1886, I, pp. 32-55. (in Finn.).

22. Munkácsi B. *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest, 1887, 335 l. (in Hung.).

23. Kelmakov V. K. *Obrazcy udmurtskoj rechi: Severnoe narechie i sredinnye govory : monografiya* [Samples of the Udmurt Speech: Northern Dialect and Central Dialects, monograph]. Izhevsk, Udmurtia, 1981, 299 p. (in Russ.)

24. Kelmakov V.K. *Obrazcy udmurtskoj rechi 2: Sredinnye govory*. [Samples of the Udmurt Speech 2: Central Dialects]. Izhevsk, 1990, 368 p. (in Russ.)

25. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 2000, 376 p. (in Finn.).

V. V. Elyshev, Post-graduate
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

PHONETIC AND MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF MIDDLE IZH DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE: BURANOVSKIY DIALECT

This article describes the most common phonetic and partly morphological phenomena of the Buranovo subdialect of the Middle Izh subdialects of the Udmurt language.

Based on a detailed study of transcribed field recordings collected in the territory of distribution of the Buranovo subdialect during dialectological expeditions in 2022-2025, characteristic features of the studied area were identified. It has been established that the Buranovo subdialect, due to its location near the southern dialects of the Udmurt language, exhibits southern Udmurt dialectal features, including the use of the relative marker '-is' and the egressive marker '-is'en, as well as the use of the vowel i in participles in '-s'. At the same time, northern Udmurt linguistic features have been discovered in the phonetic system of the Buranovo subdialect, such as the use of the vowel y in root morphemes in words like pyz' 'flour', tys' 'grain', etc. The study also revealed that the Buranovo subdialect possesses a number of specific features. Syncope, a phenomenon characterized by the loss of sounds within a word, occupies a significant place in the phonetic system of this subdialect. It was noted that the most frequently lost sound group is the '-is' sound group in verbs of the present and long past tenses of the first and second persons, both singular and plural, leading to morphological transformations of the present tense marker: -k- (< -is'k-). Furthermore, the vowel y in the infinitive form of the verb and in adverbial participles undergoes syncope. The study's results also indicate that the Buranovo subdialect is characterized by excessive functioning of affricates in all positions of the word. Along with affrication, the subdialect under study also exhibits a reverse process – de-affrication, that manifests itself in the transition of the affricate dz' to the fricative z.

The combination of all the above-mentioned characteristics forms a unique linguistic area and allows us to distinguish the Buranovo subdialect as a distinct dialectal unit.

Keywords: Udmurt language; Middle Izhevsk dialects of the Udmurt language; Middle Izhevsk dialects of the Udmurt language; Buranovo subdialect of the Udmurt language; phonetic and morphological features

Получена: 21.01.2026
ГРНТИ 16.41.25

Образец цитирования

Ельшев В. В. Фонетико-морфологический анализ среднеижских говоров удмуртского языка: бурановский подговор // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2026. Т. 21, № 1. С. 95–102. DOI: 10.22213/2618-9763-2026-1-95-102

For Citation

Elyshev V.V. [Phonetic and morphological analysis of middle izh dialects of the Udmurt language: buranovskiy dialect]. *Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoria i praktika*, 2026, vol. 21, no. 1, pp. 95-102 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2026-1-95-102